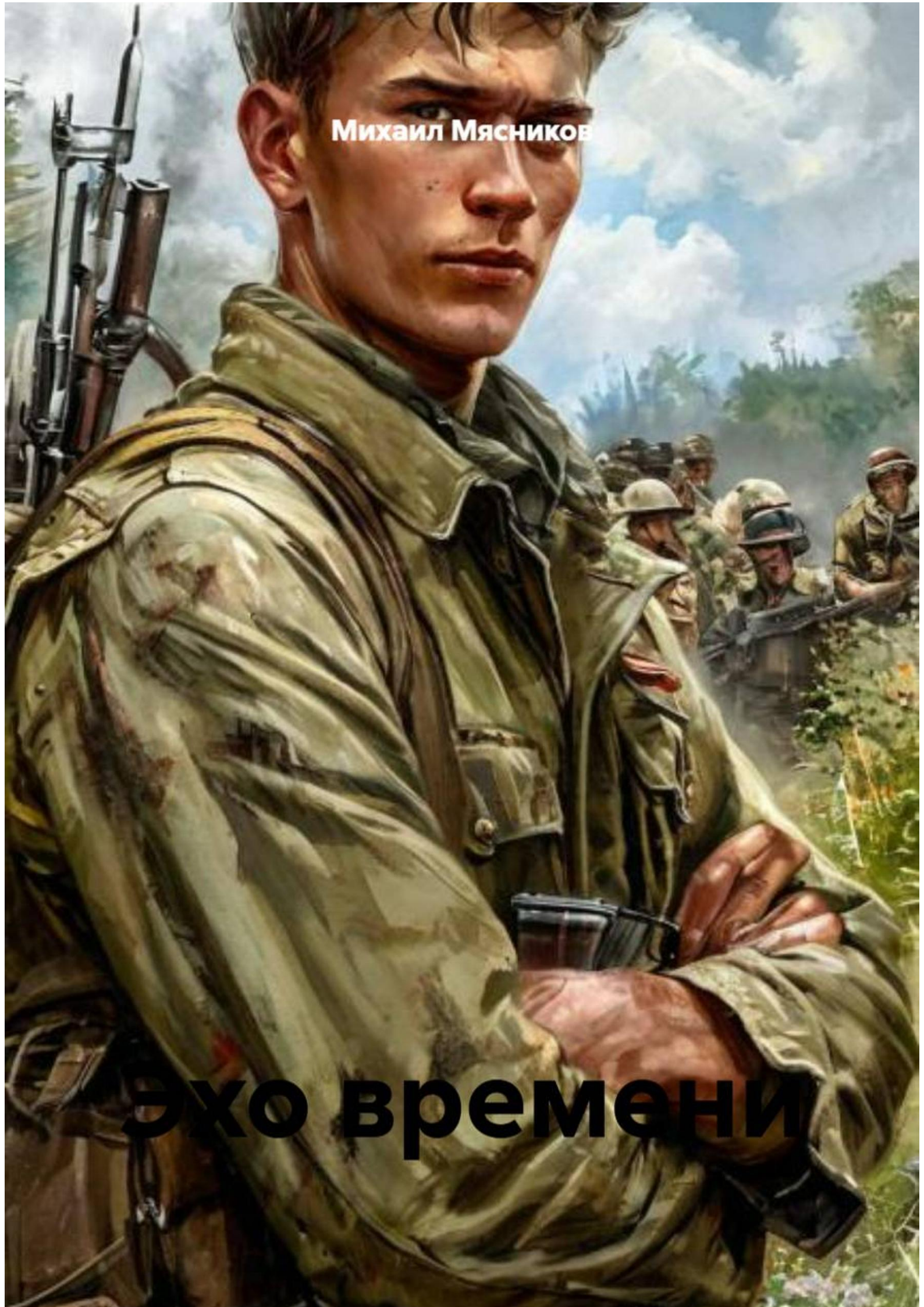

Михаил Мясников

Эхо времени

Михаил Мясников

Эхо времени

«Автор»

2026

Мясников М. Г.

Эхо времени / М. Г. Мясников — «Автор», 2026

В рассказе «Олег никогда не считал себя героем» повествуется о молодом инженере из XXI века, который, благодаря случайности, оказывается в 1942 году, в разгар Великой Отечественной войны. Олег, обладая знаниями о тактике и стратегии, быстро адаптируется к новым условиям и становится командиром партизанского отряда. Его умение использовать знания будущего для борьбы с врагом, а также способность находить общий язык с местными жителями и партизанами, делают его ключевой фигурой в сопротивлении. Олег не только ведет своих людей к победам, но и становится символом надежды и стойкости, показывая, что даже один человек может изменить ход истории.

© Мясников М. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Мясников

Эхо времени

Глава 1

Олег никогда не считал себя героем. В своём времени, в спокойном и сытом XXI веке, он был просто инженером-энтузиастом, помешанным на истории Великой Отечественной войны. Его квартира напоминала музей: на стенах висели потёртые карты, на полках стояли макеты оружия, а главным сокровищем был немецкий полевой бинокль «Карл Цейс» 1942 года, купленный на интернет-аукционе. Он знал тактику вермахта лучше, чем некоторые генералы того времени, мог с закрытыми глазами разобрать и собрать ППШ, но всё это было лишь игрой ума.

Всё изменилось в один миг. Экспериментальная установка в лаборатории, где он подрабатывал консультантом, дала сбой. Вспышка света, ощущение падения в бесконечную ледяную трубу — и вот он уже лежит на холодной, мокрой земле, вдыхая запах прелой листвы, гари и чего-то ещё... сладковатого и страшного.

Олег рывком сел. Вокруг был лес. Не ухоженный подмосковный лесопарк с дорожками для велосипедистов, а дремучая, враждебная чаща. И тишина... которая вдруг взорвалась треском веток и гортанными криками на немецком.

«Halt! Wer da?!»

Из-за деревьев выскочили двое солдат в серо-зелёной форме. В руках они держали знакомые по фильмам автоматы *MP-40*. Сердце Олега ухнуло куда-то в пятки. Это был не сон. Это была реальность. 1942 год.

Инстинкт самосохранения, помноженный на знание истории, сработал мгновенно. Олег не побежал. Он медленно поднял руки и на чистейшем немецком языке произнёс:— *«Ich bin nicht euer Feind. Ich bin ein Abgesandter. Ich muss zum Kommandanten»*. (Я не ваш враг. Я посланник. Мне нужно к вашему командиру).

Немцы опешили. Они ожидали увидеть испуганного партизана или местного жителя, но никак не человека в странной синтетической куртке, говорящего на их языке как уроженец Берлина, да ещё и с таким уверенным взглядом.

— Ты кто такой? — грубо спросил один из них, молодой ефрейтор с прыщавым лицом, тыкая стволом автомата Олегу в грудь.— Я уже сказал: мне нужен ваш командир, — спокойно повторил Олег, стараясь не моргать. — У меня срочное донесение.

Его обыскали, отобрали смартфон (который тут же был отброшен в сторону как бесполезная игрушка) и под конвоем доставили в деревню, где расположился штаб пехотного батальона.

В штабе пахло сыростью, дешёвым табаком и сапожным кремом. За столом сидел майор с усталым лицом и красными от недосыпа глазами. Он поднял взгляд на Олега и нахмурился.— Что за маскарад? — буркнул он по-немецки. — Ты похож на дезертира или сумасшедшего.

Олег глубоко вздохнул. Сейчас или никогда.— Господин майор, я не сумасшедший. Я офицер разведки из штаба группы армий «Центр», — голос его звучал ровно и властно. — Прибыл с инспекцией по личному распоряжению фельдмаршала Клюге.

Майор прищурился.— Документы?

— Документы у меня изъяли диверсанты в лесу при попытке проникновения в наш тыл. Я уничтожил их сам, чтобы они не попали в руки врага. Но я могу назвать имена: генерал Модель сейчас формирует ударную группу под Орлом. Дивизия «Великая Германия» переброшена сюда неделю назад для контрудара.

Майор побледнел. Эти сведения были строго секретны.— Почему вы один? Где ваша охрана?— Я прибыл инкогнито, — Олег понизил голос до шёпота. — Об этом задании знают только фельдмаршал и я. Любая утечка — расстрел для всех причастных.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Ефрейтор за спиной Олега нервно сглотнул.— Что вы хотите? — наконец спросил майор.— Мне нужно осмотреть ваши позиции и тыловое обеспечение. А пока... — Олег обвёл взглядом карту на столе. — Я вижу вопиющие нарушения дисциплины. Почему пост на северной опушке леса снят? Там идеальное место для прохода партизан.

Майор побагровел.— Это недосмотр! Я немедленно...— Не надо шума, — перебил Олег властно. — Прикажите немедленно отправить взвод на прочёсывание леса в пяти километрах к северу. Это абсолютно бесполезный манёвр для поиска партизан там, но он даст мне время выполнить свою миссию здесь.

Майор кивнул адъютанту:— Выполняйте!

Ночью Олег сидел в холодной комнате штаба, слушая храп часового за дверью. Адъютант майора дремал на лавке у печи. Олег осторожно встал, взял со стола тяжёлый пресс-папье (в голове мелькнуло: «Как в кино») и аккуратно оглушил немца рукоятью трофейного пистолета «Вальтер», который успел спрятать под куртку днём во время обыска.

Переодевшись в форму унтер-офицера вермахта (штаны были коротковаты), он выскользнул через окно в огороды и растворился в темноте леса.

Он шёл на восток два дня, питаясь ягодами и корой. Одежда превратилась в лохмотья. На третий день он вышел к опушке и услышал тихий свист птицы — сигнал дозора.

— Хенде хох! Руки вверх!

Из кустов вышли трое партизан: двое с винтовками Мосина и один с трофейным ППШ. Их взгляды были полны ненависти и недоверия.

Олег медленно повернулся, держа руки над головой так, чтобы было видно пустые ладони.— Я свой. Я Олег. Я из будущего.

Наступила тишина. Только ветер шумел в кронах сосен.

— Чего-чего? — хрипло спросил бородатый мужик в телогрейке с немецким автоматом на плече.

— Я из две тысячи двадцать третьего года. Меня забросило сюда из-за эксперимента... Я знаю всё о войне. Я знаю, как она закончится.

Его привели в лагерь — несколько землянок в глухом овраге у болота. Здесь пахло дымом костра, варёной картошкой и мокрой землёй. К Олегу подошёл командир отряда — пожилой мужчина с седой бородой и пронзительным взглядом стальных глаз. Его все звали просто «Батя».

Батя долго смотрел на Олега молча, потом сплюнул под ноги:— Из будущего? А документы у тебя из будущего какие есть? Может, газета за две тысячи двадцать третий год? Или билет на поезд?

Вокруг собрались остальные партизаны: угрюмые мужики в телогрейках, женщины с усталыми глазами (санинструктор Зинаида), совсем молодые парни с винтовками наперевес (среди них выделялся веснушчатый паренёк Коля). Все молчали, но напряжение можно было резать ножом.

Олег усмехнулся уголком рта:— Газеты нет. Но я могу рассказать то, что вы узнаете только через два года.

Он рассказал про Курскую дугу так подробно, будто сам там был: про «Тигры», про «Пантеры», про то, как наши танки пойдут в атаку под Прохоровкой. Он назвал точную дату освобождения Киева — 6 ноября 1943 года (Батя вздрогнул при упоминании Киева). Он рассказал про операцию «Багратион».

Когда он замолчал, Батя долго набивал трубку табаком из кисета.— Ну хорошо... Допустим... А нам-то что с того? Ты воевать-то умеешь? Или только языком молотъ?

Вместо ответа Олег попросил показать ему оружие. Ему дали ППШ Шурика — молодого партизана с вечно улыбающимся лицом. Олег разобрал автомат за 15 секунд под одобрительный гул партизан («Ишь ты!»), смазал найденным маслом затвор («А я думал только немцы так чистят!») и собрал обратно быстрее всех.

Затем он попросил карту местности у Бати.— Вот здесь и здесь у них минные поля установлены по схеме «шахматная доска», — ткнул он пальцем в карту уверенно. — А вот тут — ложный склад с бочками для отвода глаз партизанских разведчиков. Настоящий склад с боеприпасами — в овраге за рощей, там охрана всего два человека ночью спит.

Батя переглянулся со своим заместителем Николаем Степановичем («Дядя Коля»).— Проверим... — буркнул он себе под нос так тихо, что услышал только стоявший рядом Коля.

На следующий день разведка вернулась к вечеру: всё было именно так. Минные поля там были обнаружены обходным путём ценой потери сапёра Пети (все сняли шапки), а склад нашли пустым после ночной вылазки дяди Коли именно там, где указал Олег.

С этого момента отношение к нему изменилось окончательно. Его странная одежда была списана на причуды советской разведки («У них там всё секретно»). А его знания... его знания стали оружием страшнее любого автомата системы Шпагина или Шмайссера.

Он предложил план атаки на немецкий гарнизон в соседнем селе Сосновка. Вечером у костра Батя чертил прутиком по земле:— Они ждут нас лобовой атакой по дороге? Как обычно...— А как ещё? В обход болота непроходимое... — вздохнул дядя Коля, протягивая руки к огню.

Олег покачал головой:— Для вас непроходимое. А я знаю тропу через трясину по гатям из брёвен, которые они построили для себя ещё весной для вывоза леса к железной дороге. Они не ждут удара оттуда именно потому, что считают болото непроходимым для тяжёлого вооружения или больших групп людей ночью без проводника.

План был дерзким и основанным на знании тактики вермахта изнутри («Они всегда держат пулемёты MG-42 на колокольне церкви»). Атака прошла без единой потери со стороны партизан благодаря внезапности удара с тыла («Тихо шли! Как тени!»). Гарнизон был уничтожен практически полностью до того, как немцы успели занять оборону по уставу («Alarm!»).

После боя Батя вызвал Олега к себе в землянку командира отряда («блиндаж», как шутили партизаны). Здесь было теплее от печки-буржуйки из железной бочки.

Батя сидел на ящике из-под снарядов и молча наливал в две алюминиевые кружки мутный самогон из фляги с надписью «*Gott mit uns*».— Люди тебе верят... — сказал он тихо после долгой паузы, протягивая кружку Олегу (тот взял её левой рукой). — Ты видишь врага насквозь. Ты говоришь как немец... но думаешь как русский... Я стар уже для таких игр... Принимай отряд.

Олег посмотрел в глаза старику и увидел там не только усталость от войны («Сколько ж мы их положили...»), но и надежду («Может, хоть теперь легче станет»). Он вспомнил свою квартиру-музей, бинокль Цейса на стене... Всё это казалось теперь сном из другой жизни.

— Я приму командование, — твёрдо сказал Олег и одним глотком выпил обжигающую жидкость до дна.

Так инженер из XXI века Олег стал командиром партизанского отряда «За Родину» в 1943 году под Витебском. Он перестал быть просто наблюдателем истории или коллекционером макетов оружия. Он стал её творцом здесь и сейчас: грязный от пороховой гари, спящий у костра на шинели убитого врага («Трофейная вещь!»), отдающий приказы людям с усталыми глазами и спасающий жизни тех, кто давно стал историей для него самого.

Дни в отряде слились в одну бесконечную, изматывающую, но по-своему осмысленную череду. Лес, который поначалу казался Олегу враждебной, тёмной стеной, теперь стал домом.

Он научился различать голоса птиц, понимать, где можно пройти, а где трясина засосёт сапог по колено. Он перестал быть чужаком.

Весна 1943 года выдалась поздней и сырой. Снег сошёл, оставив после себя чёрную, жирную грязь и огромные лужи, в которых отражалось низкое серое небо. Воздух пах прелой листвой, талой водой и первыми, едва уловимыми нотками молодой хвои. По утрам над болотом стоял густой туман, такой плотный, что казалось, его можно резать ножом. В этом тумане голоса партизан звучали глухо и таинственно.

Олег стоял на краю лагеря, глядя на просыпающийся лес. Рядом с ним, прислонившись плечом к сосне, стоял дядя Коля. Он неторопливо сворачивал самокрутку из ядрёного самосада. — Ну что, командир, — хмыкнул он, чиркая кресалом. Искра на мгновение осветила его обветренное лицо. — Опять в разведку пойдём? Или сегодня будем немцев по карте гонять?

Олег усмехнулся. «Гонять по карте» — это была их внутренняя шутка. После нескольких успешных операций, спланированных Олегом, партизаны прониклись к нему огромным уважением. Они видели в нём не просто пришельца из будущего, а человека, который мыслит иначе. — Пойдём, дядя Коля, — кивнул Олег. — Только тихо. Надо к мосту наведаться.

К мосту через небольшую речушку вела единственная дорога, по которой немцы подвозили боеприпасы к передовой. Взрывать его было бессмысленно — быстро восстановят. Нужно было действовать хитрее.

Отряд выдвинулся на закате. Шли гуськом, след в след. Олег шёл впереди с проводником — молчаливым охотником Семёнычем, который знал здесь каждую тропинку как свои пять пальцев. Лес дышал ночной жизнью: где-то ухала сова, в кустах шуршали мелкие зверьки.

— Слышь, Олег, — раздался сзади тихий голос Шурика. Парень никак не мог привыкнуть к тишине и всё время норовил что-то спросить шёпотом. — А правда, что после войны телевизоры будут? Такие ящики, где люди живые ходят?

Олег обернулся и приложил палец к губам. — Правда, Шурик. И не только телевизоры. Машины будут летать по небу. — Врёшь! — выдохнул кто-то из молодых партизан. — Не вру. Называются самолёты... пассажирские.

Семёныч шикнул на них: — Цыц! Немец не дремлет.

У моста они залегли в кустах на пригорке. Мост был хорошо освещён: с одной стороны горел костёр, у которого грелись два часовых с винтовками *Mauser*. Олег достал бинокль (свой старый бинокль он давно потерял и пользовался трофейным *Zeiss*), долго всматривался. — Дядя Коля, — прошептал он заместителю. — Видишь будку у въезда? — Вижу. — Там телефонный кабель идёт под мостом. Если его перебить и пару досок на настиле подпилить... Грузовик проедет — мост и рухнет под тяжестью.

Дядя Коля кивнул: — Дело говоришь. Только как кабель-то достать? Немцы бдят.

Олег улыбнулся в темноте: — У меня есть идея.

План был прост и нагл. Олег и Шурик надели немецкую форму (трофейную, конечно). Олег снова превратился в унтер-офицера вермахта. Шурик изображал пленного русского с мешком на голове (мешок держал специально прорезанными дырками для глаз).

Они вышли на дорогу со стороны леса, громко переговариваясь по-немецки. — «*Schneller, Schwein!*» (Быстрее, свинья!) — рычал Олег на Шурика. Часовые у моста насторожились. — «*Wer da?*» (Кто там?) — крикнул один из них.

Олег остановился под фонарём и козырнул: — «*Obergefreiter Schmidt! Führe einen Gefangenen zum Hauptquartier!*» (Унтер-офицер Шмидт! Веди пленного в штаб!)

Часовые расслабились. Один даже подошёл поближе: — А чего ночью-то? Днём бы спокойнее было. Олег пожал плечами: — «*Befehl ist Befehl*» (Приказ есть приказ). А вы тут что, спите?

В этот момент Шурик (отлично игравший свою роль) сделал вид, что споткнулся и упал прямо на часового. Тот отшатнулся, а Олег мгновенно оказался рядом и ударил его рукоятью

пистолета по затылку. Второй часовой даже не успел поднять винтовку — дядя Коля с Семёнычем уже скрутили его и заткнули рот кляпом.

Всё произошло беззвучно и быстро, как тень скользнула по траве.

Олег достал из подсумка моток тонкой проволоки (он всегда носил его с собой для таких случаев) и нырнул под мост. Вода была ледяной. Нашупав кабель, он ловко примотал к нему проволоку с другой стороны и привязал к опоре на берегу так, чтобы при рывке кабель просто выскочил из разъёма в будке охраны.

Затем они с Семёнычем подпилили две несущие балки настила пилой-ножовкой так, что они держались буквально на честном слове.

Вернувшись в лагерь к утру, усталые и промокшие до нитки, они застали Батю за чисткой своего старого нагана. — Ну? — только и спросил он, не поднимая головы.

Олег сел у костра и протянул руки к огню: — Готово. Завтра ждём «гостя».

На следующий день лес наполнился знакомым гулом моторов. Из-за поворота выехал тяжёлый трёхосный грузовик *Opel Blitz*, гружённый ящиками со снарядами. В кабине сидели двое солдат, ещё один ехал в кузове у пулемёта *MG-34*.

Партизаны замерли на своих позициях на холме. Грузовик въехал на мост. Раздался натужный скрип дерева... треск... и оглушительный грохот рухнувших конструкций! Машина с диким скрежетом провалилась вниз, ломая перила и поднимая тучу брызг. Эхо взрыва ящиков со снарядами прокатилось по лесу, пугая птиц.

В лагере партизан раздался громкий смех и одобрительные возгласы: — Ай да командир! — Вот это наука!

Батя подошёл к Олегу, который смотрел на дело рук своих через трофейный бинокль. Старик хлопнул его по плечу тяжёлой ладонью: — А ты говорил — языком молоть... Вон как дело поставил!

Вечером у костра было непривычно весело. Зинаида сварила густой кулеш с тушёнкой (немецкой трофейной), запах стоял на весь лес. Шурик брэнчал на трофейной губной гармошке какую-то немелодичную мелодию.

Олег сидел чуть в стороне от общего веселья. Он смотрел в огонь и думал о том, как странно переплелись времена здесь, в этом лесу под Витебском. Он принёс сюда знания о будущем — о мире без войны, о полётах в космос... Но сейчас главным было другое: знание того, как устроен немецкий сапог изнутри, чтобы этот сапог поскорее убрался с их земли.

К нему подсел дядя Коля с двумя кружками горячего чая из трав (заваренного в котелке). — Держи, командир. Замёрзнешь тут один философствовать. Олег взял кружку: — Спасибо... Знаешь, Коля... Я ведь там был никто. Инженеришка. А здесь... Дядя Коля посмотрел ему прямо в глаза: — Здесь ты — наш командир. И это главное. А кем ты там был... это пусть там и останется.

Они помолчали, слушая треск поленьев в костре и далёкие звуки гармошки Шурика. Над лесом вставала огромная луна, заливая верхушки сосен призрачным серебром. Война продолжалась, но в эту минуту у партизанского костра было тепло и спокойно.

После той вылазки и прорыва из окружения отряд Олега стал по-настоящему мобильным. Они больше не сидели на одном месте, превратившись в призраков, которые наносят удар и исчезают, оставляя врага в недоумении. Но даже у призраков есть дом.

Их новой базой стала глухая, затерянная в болотах деревушка, брошенная жителями ещё в сорок первом. Десяток покосившихся, почерневших от времени изб с проваленными крышами. Место было мрачное, но стратегически идеальное: вокруг топи, единственная дорога вела через гать, которую легко оборонять или уничтожить в случае опасности.

Восстановление лагеря стало общим делом. Мужчины чинили крыши, латали стены дёрном и ветками. Женщины, которых в отряде было пятеро (включая Зинаиду), мыли закопчён-

ные печи и скребли полы. Запах гнили и сырости постепенно вытеснялся ароматами дыма, варёной картошки и сохнувших портянок.

В центре лагеря, на небольшой поляне, стояла главная изба — штаб. Здесь всегда было тепло от гудящей «буржуйки», сделанной из железной бочки. У входа на гвозде висел трофейный немецкий термос — большая ценность для заваривания чая из лесных трав.

Олег, как командир, жил в самой маленькой и холодной избе на отшибе, рядом с землянкой-оружейкой. Его «кабинет» представлял собой грубо сколоченный стол из неструганых досок, на котором лежала немецкая карта, испещрённая пометками, и стоял потрёпанный блокнот. Спал он на нарах, застеленных еловым лапником и накрытых трофейным немецким одеялом. Личного у него почти ничего не было, кроме старого компаса и того самого бинокля «Цейс», который теперь был его верным спутником.

Вечером в штабе былолюдно и шумно. Дядя Коля, ставший начальником штаба, колдовал над самогонным аппаратом — это был не просто способ согреться, а важнейший элемент медицины и антисептики. — Ну что, командир, — басил он, протягивая Олегу кружку с дымящимся чаем, в который была добавлена ложка «лекарства» для профилактики простуды. — Какие планы на завтра? Опять немца по карте гонять будем?

Олег усмехался, принимая кружку:— Будем. Только теперь они нас тоже гоняют. Надо менять тактику.

Поняв, что немцы начали применять против них тактику антипартизанской борьбы (прочёсывание лесов крупными силами, использование авиации для разведки), Олег ввёл в отряде новые порядки.

Каждое утро начиналось не с молитвы или переклички, а с занятий. На большой поляне Олег проводил то, что партизаны в шутку прозвали «Школой Олега». — Внимание! — командовал он. — Сегодня разбираем карабин *Mausер 98k*. Кто скажет, где у него слабое место?

Шурик, ставший его главным помощником-инструктором (он быстрее всех схватывал новое), тут же выскакивал вперёд:— Затвор! Он тугой, если грязный! И прицел часто сбивается от удара! — Верно! — кивал Олег. — А как это использовать?

Он учил их не просто стрелять, а думать как враг. Он объяснял структуру немецкого взвода, показывал на макетах (вырезанных из дерева), как правильно устраивать засады на движущуюся колонну. — Немец боится леса! — говорил он бойцам, собравшимся вокруг. — Он привык к полю, к дороге. В лесу он слепой и глухой. Наша задача — сделать его ещё и немым.

Бойцы слушали его с открытыми ртами. Для них это было сродни магии: человек говорит о войне так, будто читает книгу, которую ещё не написали.

День в лагере тек по строгому распорядку. После утренних занятий — хозяйственные работы. Кто-то отправлялся за водой к дальнему роднику (вода в болоте была горькой), кто-то чистил оружие в землянке-оружейке под присмотром Семёныча.

Зинаида обходила «казармы», проверяя чистоту и раздавая сухой мох вместо ваты тем, у кого портянки совсем прохудились. — А ну-ка, Петро, покажи ноги! — строго говорила она высокому парню из пополнения. — Опять портянки не просушил? Воспаление хочешь? Марш к печке сушить!

Днём в лагере было тихо. Все отдыхали перед ночными делами. Только часовые на вышках (срубленных из тонких сосен) зорко всматривались в лесную чащу да повар Степан гремел котлами у летней кухни под навесом.

Запах варева разносился по всему лагерю. Готовили чаще всего «пюре» — толчёную картошку с добавлением сушёного лука и тушёнки (если она была). Хлеба не видели месяцами.

Олег часто уходил один на «прогулку». Он брал бинокль и забирался на высокую сосну на краю болота (там была оборудована замаскированная смотровая площадка). Он часами наблюдал за передвижениями немцев по дорогам в бинокль.

Однажды его там нашёл Шурик. — Не помешаю, командир? — Садись, — кивнул Олег, не отрываясь от окуляров. — Видишь тот поворот? Там они всегда сбавляют скорость. — Вижу... А ты скучаешь по своему времени? — вдруг тихо спросил Шурик.

Олег опустил бинокль и посмотрел на парня. В глазах Шурика не было праздного любопытства, только глубокая серьёзность. — Скучаю... по тишине. По горячей воде из крана. По тому, что можно просто лечь спать и знать: завтра не будет войны. Шурик помолчал, глядя на закатное солнце, пробивающееся сквозь ветви. — А я вот думаю... Мы победим? Ну, по-настоящему? Олег положил руку ему на плечо: — Обязательно победим. Потому что мы уже победили там, у себя дома. А теперь просто помогаем вам сделать это здесь.

Вечером отряд собирался у большого костра на центральной поляне. Это было время отдыха и общения. Кто-то чинил одежду при свете лучины (керосин берегли), кто-то тихо рассказывал истории из мирной жизни.

Батя доставал свой старый баян (чудом уцелевший при одном из рейдов), и над лесом разносились тоскливые, но полные надежды мелодии русских песен.

В такие минуты Олег смотрел на этих людей — уставших, израненных войной, но не сломленных — и понимал: он больше не гость из будущего. Он был одним из них. И их общая цель была важнее любых парадоксов времени.

Но война не давала долго сидеть у костра. Разведка донесла: немцы готовят новую карательную операцию... И завтра снова в путь.

Ночь выдалась холодной. Ветер завывал в верхушках сосен, раскачивая старые ели, и казалось, будто сам лес жалуется на свою тяжёлую долю. В штабной избе было тесно. Дядя Коля, Батя, Зинаида и Олег склонились над картой, расстеленной на столе. Свет давала лишь одна керосиновая лампа, и тени на стенах плясали, словно живые.

— Значит, так, — Батя ткнул заскорузлым пальцем в точку на карте. — Здесь, у хутора Петровка, они концентрируют силы. Полиции говорят, гестапо приехало. С собаками.

В избе повисла тяжёлая тишина. Собаки — это было плохо. Это означало, что уйти по следу незамеченными будет почти невозможно.

— Что будем делать? — тихо спросил дядя Коля, набивая трубку. — Уходить дальше в болота? Там и зимой не сахар.

Олег молчал, глядя на карту. Он думал не о тактике, а о людях. О Шурике, который вчера хвастался новой ложкой, вырезанной из берёзового капа. О Зинаиде, которая тайком штопала ему, Олегу, воротник гимнастёрки. О том, как все они устали жить в постоянном страхе.

— Мы не будем бежать, — твёрдо сказал он, поднимая голову. Его взгляд был спокоен. — Мы ударим первыми и так, чтобы они надолго забыли про эти болота.

— А план-то какой? — хмыкнул Батя, прищурившись. — Опять что-то из твоего... будущего?

Олег улыбнулся уголком губ. — Почти. Помнишь, я рассказывал про телевизоры? Про мирную жизнь?

Батя кивнул: — Ну, помню. Брехал ты всё поди... Хотя после моста я тебе верю.

— Не брехал. И вот что я думаю... — Олег обвёл всех взглядом. — Мы воюем не просто чтобы выжить. Мы воюем за то, чтобы эта мирная жизнь наступила. Чтобы Шурик мог не прятаться в лесу с винтовкой, а пойти учиться на инженера. Чтобы Зинаида работала в настоящей больнице в белом халате, а не бинты из старых простыней крутила.

Зинаида замерла с иглой в руках. В её глазах блеснули слёзы.

— А ты... ты правда веришь? — тихо спросила она.

— Верю. И поэтому мы не можем просто прятаться. Мы должны показать им нашу силу.

В ту ночь Олег долго не мог уснуть. Он вышел из избы на свежий воздух. У большого костра на поляне сидели несколько партизан. Среди них был и Шурик. Они не спали — просто смотрели в огонь.

Олег тихо подошёл и сел рядом на поваленное бревно.— Не спится? — спросил он у Шурика. Парень пожал плечами:— Да как-то... тревожно. Думаю вот.

— О чём?

Шурик поворошил веткой угли, от чего в небо взметнулся сноп искр.— О том самом. О мирной жизни. Вот вы говорили про телевизоры... А ещё что будет? Ну там... когда мы победим?

Олег улыбнулся и посмотрел на звёзды. Здесь, вдали от городов, они казались огромными и близкими.— Будет всё по-другому. Не будет комендантского часа. Будут ходить трамваи... большие такие вагоны по рельсам.— А машины? — встрял в разговор молодой партизан по имени Ваня.— Машин будет много. И не только грузовые «полуторки». Легковые будут, красивые. Называются «Жигули», «Москвич». Потом ещё лучше придумают.

Шурик мечтательно вздохнул:— А я вот думаю... Я бы пекарню открыл. Хлеб печь. Чтобы запах свежего хлеба на всю улицу! А то тут одна картошка да конина...

Все тихо засмеялись.— А я бы в кино пошёл! — сказал Ваня. — В настоящий кинотеатр! Где большой-большой белый экран и все сидят в зале в темноте.

Олег слушал их разговоры и чувствовал комок в горле. Эти простые мечты о хлебе и кино были для них сейчас самой главной мотивацией. Это была их вера в будущее.

— Будет и кино, и хлеб будет самый вкусный в мире, — пообещал Олег. — Только для этого нам нужно завтра сделать всё правильно.

На рассвете отряд был на ногах. Туман стелился по земле густым молоком. Олег построил бойцов на поляне перед штабом.

Перед ним стояли не просто солдаты. Это были его люди. Его семья.

— Товарищи! — начал он громко и чётко. — Сегодня нам предстоит трудный бой. Но я хочу, чтобы каждый из вас помнил: мы сражаемся не за Сталина, не за партию... Мы сражаемся за себя. За то, чтобы наши дети никогда не знали запаха пороха и гари.

Он сделал паузу, глядя в их лица: суровые лица мужчин и усталые глаза женщин.

— Я знаю будущее! Я видел его! И я говорю вам: мы победим! Через два года здесь будут стоять новые дома! Будет пахнуть сиренью! И никто больше не посмеет прийти на нашу землю с оружием!

Он достал из кобуры свой ТТ:— За Родину! За мирную жизнь!

— За жизнь! — хором ответил отряд.

Это был не просто боевой клич. Это была клятва перед лицом будущего, которое они все так отчаянно хотели увидеть своими глазами.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.